

УДК 94(47).084.1

**КАНЦЕЛЯРИЯ ВДОВСТВУЮЩЕЙ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ
В 1917–1918 гг.**

© 2018 г.

П.Н. Гордеев

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

petergordeev@mail.ru

Поступила в редакцию 15.08.2017

Рассматривается деятельность Канцелярии вдовствующей императрицы Марии Федоровны в период русской революции. На основе архивных материалов, отложившихся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), освещается положение Канцелярии после падения монархии, отношения ее служащих с руководством Комиссариата Временного правительства над бывшим Министерством двора и самой императрицей. Делается вывод о том, что чиновники Канцелярии сохранили верность царице-матери и ждали от нее указаний; при этом само учреждение, которое намечалось к ликвидации еще при Временном правительстве, было упразднено уже большевиками.

Ключевые слова: Канцелярия вдовствующей императрицы Марии Федоровны, Мария Федоровна, революция 1917 года, Временное правительство, Комиссариат Временного правительства над бывшим Министерством двора.

После Февральской революции Министерство императорского двора и уделов было упразднено, а большая часть его сложной, состоящей из нескольких десятков установлений структуры перешла в ведение нового государственного учреждения – Комиссариата Временного правительства над бывшим Министерством двора, возглавляемого известным политиком, членом кадетской партии Ф.А. Головиным [1, с. 59–78]. Среди этих установлений особое место принадлежало Канцеляриям императриц Александры Федоровны и Марии Федоровны, которые, входя в состав придворного ведомства, лишь формально подчинялись министру двора, руководствуясь прежде всего указаниями самих государынь. В настоящей статье речь пойдет о судьбе Канцелярии вдовствующей императрицы Марии Федоровны, деятельность которой в эпоху революции остается (на фоне большого количества исследований, посвященных самой императрице) еще почти неизученной. Между тем это учреждение со сравнительно небольшим штатом обслуживало крупный двор царицы-матери, который, по свидетельству бывшего начальника Канцелярии Министерства двора А.А. Мосолова, хотя и состоял из людей пожилых, вследствие чего «его роль светского центра уменьшилась, и он не имел того значения, которое приобрели дворы меньшие, но более деятельные», однако по своим расходам, вследствие «безграничной доброты императрицы», обходился Министерству «не меньше двора государя» [2, с. 106–107].

Канцелярия вдовствующей императрицы располагалась на набережной Фонтанки, 50 [3,

с. 63], напротив Аничкова дворца, бывшего не только петроградской резиденцией вдовы Александра III (проживавшей ко времени революции в Киеве), но и зданием, в котором имели служебные квартиры многие служащие двора Марии Федоровны. Тесная связь существовала между Канцелярией и Управлением Собственным Его Величества дворцом (Аничковым): так, 27 февраля 1917 г. в первом из указанных учреждений была составлена служебная записка, в которой Управление дворцом просили «не отказать в соответствующем распоряжении к починке семи, находящихся в Канцелярии Ее Императорского Величества, стульев, предоставив в ее пользование дополнительно какой-либо диван» [4, л. 2]. На документе имеется пометка о том, что он так и не был отправлен, – видимо, в течение этого рокового дня (дня восстания петроградского гарнизона), вопрос о починке стульев отошел на второй план...

Новая власть довольно скоро заинтересовалась финансовым положением Канцелярии вдовствующей императрицы, и заведующий последней Анатолий Анатольевич Куломзин (сын известного государственного деятеля, председателя Государственного совета А.Н. Куломзина [5, с. 778]) уже 20 марта представил комиссару над бывшим Министерством двора Ф.А. Головину и, одновременно, И.В. Титову (члену Государственной думы, бывшему в марте 1917 г. комиссаром над финансовой частью указанного Министерства) справки о капиталах, находившихся в ведении возглавляемого им учреждения. Капиталы эти делились на личные средства императрицы и капиталы, имеющие специаль-

ное назначение. К первым относилась так называемая «Собственная Ее Величества сумма» в размере 500 100 руб.¹ «процентными бумагами, образовавшаяся из остатков от ежегодно ассигнуемых, согласно закону, Государственным Казначейством на личные расходы Императрицы 200 000 рублей». Ежегодные траты по смете, утвержденной Марией Федоровной, составляли 225 000 руб. (из них наиболее значительные: на туалет и гардероб расходовалось 40 600, на подарки – 40 000, на содержание пансионеров – 30 000, на денежные пособия – 30 000, экстренные расходы – 28 400 руб. и др.). Возникавший дефицит (25 тыс. руб. по смете, в реальности – около 30–40 тыс. руб. в год) с лихвой покрывался из трех источников: процентами с общего капитала Собственной суммы, процентами, выдававшимися Главным управлением уделов «в сумме 11 058 руб. в год по особому капиталу Ее Величества (245 300 руб.) (Morgengabe²)», и ежегодным доходом около 15 000 руб. в год с учрежденного еще при Николае I «Гдовского Ее Величества имения» [6, л. 5, 10–10 об., 12–12 об.].

Капиталы, имевшие специальное назначение, как отмечал Куломзин, «за исключением лишь одного капитала, завещанного Императрицею Мариею Федоровною, супругою Императора Павла I, образовались из сумм, представленных в разное время за последние 50 лет в личное распоряжение Императрицы Марии Федоровны разными лицами с указанием, в большинстве случаев, цели пожертвований». Среди упомянутых сумм состояли в наличии: пожертвованный разными лицами на благотворительные дела капитал в размере 158 100 руб. («в том числе 44 300 рублей, пожертвованные дворянином Ярошинским на нужды Царско-сельского Ремесленного Приюта и составляющие собственный основной капитал Приюта»³); капитал, «пожертвованный некоторыми дамами в память 25-летия бракосочетания Ее Величества, для выдачи с процентов одного пособий воспитанницам институтов Мариинского ведомства при выходе их в замужество» в размере 30 600 руб.; капитал в 7100 руб., «собранный разными лицами для выдачи из процентов с одного пособий семьям офицеров, состоявших в войну с Турцией в 1877–1878 г. в Рущукской Армии и умерших от ран»; 100 000 руб., пожертвованные графом А.В. Орловым-Давыдовым «для оказания из процентов с одного пособий на воспитание сирот убитых воинов» и, наконец, «капитал, завещанный Императрицею Мариею Федоровною, супругою Императора Павла I, для выдачи из процентов одного пенсии и единовременных пособий вдовам офицеров сухопутного и морского ведомств, не получаю-

щим пенсии из Государственного Казначейства», в размере 311 443 руб. Вместе с весьма значительной (404 750 руб.) суммой, сложившейся из пожертвований разных лиц и учреждений «на нужды военного времени» (из которых 398 650 руб. осталось еще со времен русско-японской войны) [6, л. 12 об.–13], общее количество денежных средств, находившихся в управлении Канцелярии вдовствующей императрицы и расходующихся на благотворительные цели, достигало внушительной цифры в 1 011 993 руб.⁴ Масштаб бюджета настоятельно заставлял ставить вопрос о правовых основаниях распоряжения этими средствами при новой власти, и Куломзин в упомянутом отношении просил комиссара Головина «не отказать в испрошении указаний Временного Правительства» по вопросам о предоставлении Марии Федоровне денег из «Собственной Ее Величества суммы», о производстве «по указанным в ведомости капиталам срочных платежей уже разновременно разрешенных к выдаче» и о продолжении текущих расходов «по содержанию Абас-Туманского Дворца из личных средств Великого Князя Михаила Александровича» [6, л. 10 об., 19].

Ни в документах Канцелярии вдовствующей императрицы, ни в журналах заседаний Временного правительства не удалось обнаружить какую-либо реакцию на просьбу А.А. Куломзина. Некоторые обстоятельства, впрочем, заставляют усомниться в том, что правительство пошло ему навстречу. В появившемся уже в эмигрантской прессе очерке А.А. Демьянова, написанном на основе рассказа его друга П.М. Макарова (в 1917 г. – помощника комиссара над бывшим МИДом), материальное положение царицы-матери показано отнюдь не блестящим: «Однажды к комиссару Временного Правительства по управлению дворцовыми имуществами и Удлами Ф.А. Головину обратились со следующей просьбой. Кн. Шервашидзе⁵, управляющий канцелярией вдовствующей императрицы или лицо, его заменяющее, передал Ф.А. Головину, что Мария Федоровна, жившая тогда в Крыму, нуждается в денежных средствах; вероятнее всего, чтобы ликвидировать свое пребывание в России и переправиться в Данию. Претензия была заявлена в размере 200 000 рублей. Ф.А. Головин не решился своею властью выдать такую сумму из казенных денег, находившихся в его распоряжении, а с другой стороны, не желал и отказывать в ней. Он посоветовался со своим помощником по службе и другом П.М. Макаровым. Оба хорошо понимали, что вносить этот вопрос на рассмотрение совета министров Временного правительства было бы почти равносильно провалу дела, ибо Времен-

ное правительство, даже если бы сочувствовало ходатайству бывшей императрицы, все же было бы в крайнем затруднении его исполнить. Поэтому Головин и Макаров стали искать иных путей для разрешения создавшегося затруднения. П.М. Макаров остановился на следующей мысли: в удельном ведомстве находились на хранении крупные частные суммы, принадлежавшие великим князьям, в их числе и капиталы в. кн. Михаила Александровича. Для последнего изъятие из них 200 000 рублей не представляло затруднений. К нему и решились обратиться за содействием. В то время Михаила Александровича в Петербурге не было, но жил в нем имевший частые общения с дворцовым управлением и удельным ведомством поверенный великого князя, женатый на сестре егоmorganaticкой супруги, гр. Брасовой, московский присяжный поверенный Матвеев. Однако Матвеев, хотя, по-видимому, не противился выдаче денег Марии Федоровне, но без прямого на то позволения великого князя сделать этого не решился. Он запросил инструкции. Инструкции эти и были даны: Михаил Александрович отказывал Головину в просьбе, обращенной к нему. П.М. Макаров делал предположение, что инициатива в отказе шла не от Михаила Александровича, а от гр. Брасовой, которая была недовольна тем, что вдовствующая императрица не сочувствовала браку ее с Михаилом Александровичем. Так или иначе, но Ф.А. Головину пришлось считаться с фактом отказа. Тогда было решено, что П.М. Макаров, который был близок с А.Ф. Керенским, обратится к нему непосредственно за разрешением создавшегося положения. Керенский без колебаний собственной властью распорядился – просимые деньги Марии Федоровне выдать из казенных сумм, не внося вопроса в совет министров Временного Правительства [7, с. 18].

Отметим, что в просмотренных нами документах Канцелярии вдовствующей императрицы и Управления делами великого князя Михаила Александровича, а также дневниках Марии Федоровны и Михаила Александровича подтверждения этим переговорам не встретилось; впрочем, как можно понять из очерка Демьянова, они могли производиться устно и неофициально. Любопытно, что если этот эпизод действительно имел место, то он, по-видимому, не повлиял на отношение вдовствующей императрицы к А.Ф. Керенскому, именовавшей его в своих записях «бесстыжим типом» (12 августа) и «негодяем» (1 сентября) [8, с. 206, 211].

Новые реалии практически сразу после переворота стали вторгаться в жизнь служащих

вдовствующей императрицы. 27 марта постановлением Главного управления Российского общества Красного Креста учреждения (лазареты, госпитали, санатории и т. п.), находившиеся ранее под покровительством Марии Федоровны, были переданы «подлежащим Главноуполномоченным Общества Красного Креста (за исключением склада в Аничковом Дворце)» [6, л. 26]. После этого бывшая государыня отмечала 4 мая в письме своему брату, датскому принцу Вальдемару: «Мне, к сожалению, нечего просить у Красного Креста, все то, чем я владела, у меня забрали» [9, с. 346]. В конце мая в Канцелярии получили немыслимые ранее извещения (от 19 и 23 мая) почтового отделения Петроградской таможни, адресованные «Бывшей Императрице Марии Федоровне», в которых сообщалось, что на ее имя из Дании пришли посылки с печеньем, запрещенным «к привозу в Империю с 1 февраля 1917 г.», и они подлежат «обратному отвозу за границу», если не будут представлены доказательства, что на 11 декабря 1916 г. «товар фактически находился в пути или был сдан до этого срока для отправки на станцию (пристань) или же что товар был куплен или заказан до срока сего» [10, л. 45, 47].

13 апреля к Канцелярии обратились комнатные служащие императрицы (17 человек) с просьбой «выдать им денежное пособие на наем дач», на что делопроизводитель П.П. Динне, имея в виду, видимо, резкое ухудшение финансового положения Канцелярии, наложил резолюцию «Отказать» [10, л. 90]. Сама Мария Федоровна еще 18 марта в письме к греческой королеве Ольге Константиновне жаловалась на неопределенность судьбы своего окружения и прислуги: «Теперь все казаки уволены, и я не знаю, что с ними будет. <...> я не знаю, могу ли я по-прежнему держать так много дорогих мне людей?» [9, с. 341]. Одновременно приходилось отказываться от ряда символических изъявлений благодарности, объявляемых ранее от имени царицы-матери. Так, на письме известного театрального деятеля А.Е. Молчанова от 25 декабря 1916 г. к Марии Федоровне, вместе с которым он преподносил книгу, посвященную его покойной супруге, актрисе М.Г. Савиной, Динне отметил: «Императрица приказала благодарить, но ввиду переворота оставлено без движения» [11, л. 106].

Вопрос о перспективах дальнейшего существования учреждения, обслуживающего интересы представительницы свергнутой династии, рано или поздно должен был быть поставлен. 18 мая, в связи с намеченной передачей Аничкова дворца Министерству продовольствия, в Канцелярию вдовствующей императрицы обра-

тились из Канцелярии Управления осoboуполномоченного по закупкам хлеба, сахара и соли для армии. «По соглашению с Комиссаром Министерства двора Ф.А. Головиным вся канцелярская обстановка бывшей Канцелярии Марии Федоровны, как то столы письменные и канцелярские, шкафы, стулья, пишущие машинки, телефоны и т.п., по ликвидации дел Канцелярии, подлежат передаче Министерству Продовольствия», – говорилось в отношении, которое сопровождалось просьбой «уведомить, в какое приблизительно время может состояться передача означенного имущества и сообщить опись такового». В архивном деле сохранился черновик ответа на это, в общем, нелюбезное приглашение поторопиться с самоупразднением, где говорилось, что все казенные вещи могут быть переданы «по ликвидации Канцелярии», о чем Управлению «будет своевременно сообщено» [6, л. 50 об.–51]. Характерна здесь и роль Головина, который, судя по его поспешному согласию отдать всю канцелярскую обстановку, уже в мае предполагал скорую ликвидацию данного установления.

На фоне этих слухов и приготовлений 25 мая начальник Управления Аничковым дворцом генерал-майор П.А. Ерехович обратился в «бывшую» Канцелярию, с буквально солдатской прямоотой попросив уведомить его, «ликвидируется ли Канцелярия, в утвердительном случае к какому времени и во всяком случае какими в настоящее время пользуются правами служащие в ней лица на занятие казенных квартир в зданиях Дворца и какие они будут иметь права на тот же предмет по ликвидации». В учреждении был заготовлен ответ: «Канцелярия Императрицы в списке ликвидируемых учреждений бывшего Министерства Двора не состоит, а потому служащие в ней лица пользуются пока всеми прежними правами. Права служащих Канцелярии, по ликвидации ее, Канцелярии неизвестны». Впрочем, как отмечено в надписи на письме Ереховича, официально ему решили «не отвечать, т.к. переговоры были устные» [6, л. 43–44]. 31 мая были составлены списки чиновников и служителей Канцелярии, а также подведомственного ей технического персонала (на чьей обязанности лежала охрана имущества вдовствующей императрицы), имеющих казенные квартиры в Аничковом; в общей сложности в них было упомянуто 25 человек. 8 июля Ерехович вновь обратился в Канцелярию; сообщив, что по распоряжению правительства с 15 июня дворец передан Министерству продовольствия и «с того же времени должны быть освобождены и квартиры служащих разных Установлений бывш[его] Мини-

стерства Двора», генерал отмечал: «В интересах всех служащих, в том числе и вверенного Вам Установления, я делал в свое время шаги перед Комиссаром над бывшим Министерством Двора. В настоящее время я лишен этой возможности; но, имея в виду, что Министерство Продовольствия принимает меры к выселению, имею честь уведомить Вас, что при этом Министерстве образована Комиссия для выяснения разных вопросов, связанных с переходом Дворца, в том числе и квартирного и что в состав этой Комиссии входит Представитель от Комиссара над б. Министерством Двора – Помощник Заведывающего Контролем П.П. Сланский» [6, л. 45–45 об., 49, 55–55 об.].

Ф.А. Головин, не желая, видимо, задерживать процесс упразднения Канцелярий императриц, так же как и в случае с учреждением, занимавшимся делами Александры Федоровны и августейших детей, поручил ознакомиться с «порядком производства ликвидации» Канцелярии вдовствующей императрицы своему уполномоченному Б.А. Калачеву, о чем последний официально сообщил 1 августа А.А. Куломзину. 7 октября, подводя итог проделанной работе, Калачев писал Куломзину: «Ознакомься, по докладу моему, с порядком ликвидации дел вверенной Вам Канцелярии, Комиссар Временного Правительства над б. Министерством Двора изволил указать, чтобы Вами ныне же было приступлено: 1) к разработке вопроса о передаче состоящих в ведении Канцелярии капиталов, по принадлежности, и 2) к подготовке находящихся в производстве дел [к] сдаче в Общий Архив б. Министерства Двора» [6, л. 53, 79]. Теперь у служащих Канцелярии уже не оставалось сомнений в скорой ликвидации установления. Неслучайно уже 9 октября вр.и.о. инспектора бывшей Придворной медицинской части Н.А. Андреев-Твердов пригласил ряд чиновников Канцелярии (делопроизводителя П.П. Динне, помощника делопроизводителя К.Д. Любомудрова, регистратора Н.О. Карпинского и присяжного М. Смирнова) «для освидетельствования состояния их здоровья на предмет назначения пенсии по болезни» [10, л. 85].

Накопившиеся со времени Февральской революции многочисленные вопросы требовали личной беседы А.А. Куломзина со вдовствующей императрицей, которая еще весной 1917 г., как известно, переехала в Крым. Организация их встречи оказалась далеко не простым делом. Хотя Куломзин еще 24 июля получил «удостоверение о неимении препятствий к свиданию», а затем и разрешение министра юстиции на поездку к Марии Федоровне, эти документы были признаны начальником охраны Романовых в

Крым В.М. Жоржоллиани недостаточными. 19 сентября заведующий Канцелярией вдовствующей императрицы, добравшийся к тому времени до Ялты, запросил через Ф.А. Головина специальное разрешение на встречу от имени Временного правительства, которое было вскорости дано А.Ф. Керенским [6, л. 56, 58, 67, 74]. Впрочем, судя по дневникам Марии Федоровны, осенью 1917 г. она с Куломзиным не встречалась – возможно, он, находясь в начале и конце сентября, а также в первой половине октября в Москве [6, л. 57, 68, 83], передал какие-то документы для императрицы князю Г.Д. Шервашидзе, приехавшему в Ай-Тодор 14 октября (Мария Федоровна записала в этот день в дневнике: «Великая радость снова увидеться с ним. Он привез мне письмо от моей любимой Алике. Рассказывал обо всем, чему стал свидетелем в Петербурге, об отчаянном положении в стране, погружающейся в подлинный хаос» [8, с. 217]). Днем ранее, 13 октября, из Канцелярии вдовствующей императрицы в Москву на имя Куломзина было выслано большое количество деловых бумаг, в числе которых были годовые и месячные отчеты по Канцелярии, сведения о капиталах, «список расходам, на продолжение которых испрашивается соизволение Ее Величества на сумму 35 129 рублей», письма начальника Канцелярии бывшего МИДа С.В. Гагарина, Б.А. Калачева, П.П. Динне и ряда других лиц [6, л. 83–83 об.], – все это предполагалось, как только будет возможность, представить на утверждение Марии Федоровны⁶.

После прихода к власти большевиков «подлинный хаос» многократно увеличился, затрагивая и бывшее придворное ведомство. В конце 1917 г. учреждения последнего участвовали в так называемом «саботаже», одновременно пытаясь организовать на новых, демократических началах, предусматривавших избрание своих представителей для участия в разнообразных (общих и делегатских) собраниях служащих бывшего Министерства двора; в одном из сохранившихся в РГИА списков, относящихся к этому периоду, делегатом от Канцелярии Марии Федоровны указан делопроизводитель П.П. Динне [12, л. 9 об.]. После упрочения советской власти в Петрограде и распространения ее на большую часть страны судьба Канцелярии была предрешена: 25 февраля 1918 г. постановлением по Народному комиссариату имуществ Республики она была упразднена (одновременно с Канцелярией императрицы Александры Федоровны), а 22 марта уволены и все служащие во главе с А.А. Куломзиным (кроме двух чиновников, С.С. Шевчука и К.Д. Любомудрова, временно оставленных для сдачи дел) [13,

л. 116–116 об., 119]. История государственного учреждения, обслуживавшего двор вдовствующей императрицы и ее собственную персону, на этом завершилась.

Рассмотрев фактическую сторону деятельности Канцелярии вдовствующей императрицы Марии Федоровны в 1917–1918 гг., представляется возможным сделать некоторые выводы. Во-первых, достоин примечания уже тот факт, что в течение целого года после падения монархии эта Канцелярия продолжала свою работу, хотя и находилась, конечно, в ожидании упразднения. Во-вторых, по крайней мере ее руководящий состав (заведующий А.А. Куломзин, часто его замещавший делопроизводитель П.П. Динне и др.) сохранил верность царичематери и ожидал от нее указаний, которые Куломзин должен был получить при личном докладе. В-третьих, ликвидация Канцелярии была намечена еще при Временном правительстве; Октябрьская революция и борьба попытавшегося сплотиться чиновничества с большевиками лишь на время отдала это, в общем, неизбежное в условиях 1918 г. событие.

Примечания

1. Исправлено в документе от руки вместо первоначально напечатанного «500 300».

2. В нем. яз.: Приданое.

3. После революции Царскосельский ремесленный приют оказался в сложном положении; его попечительница О.Д. Замятнина 7 апреля отправила письмо А.А. Куломзину, обращаясь к нему «с покорнейшей просьбой о возбуждении соответствующего ходатайства перед г. Комиссаром о выделении имеющегося в Канцелярии Государыни Марии Федоровны капитала Члена Ком[итета] Приюта г. Ярошинского в сумме 42 500 р. и переводе означенной суммы в кассу Царскосельского Ремесленного Приюта. Деньги крайне необходимы для оплаты счетов и текущих расходов, так как поставщики отказываются давать в долг даже самые необходимые продукты, что ставит Приют в безвыходное положение». В тот же день Куломзин с пометкой «весьма спешно» снесся с комиссаром Ф.А. Головиным, предложив удовлетворить ходатайство Замятниной и выдать пожертвованный Ярошинским капитал (при этом называлась несколько иная цифра – 44 300 руб. «процентными бумагами, хранящимися в Государств[енном] банке»). 8 апреля Головин запросил справку об основаниях, на которых были пожертвованы средства, несколько дней спустя представленную Куломзиным, уточнившим, что «никакого основного капитала» у приюта нет, и повторившим просьбу о передаче приюту денег Ярошинского [6, л. 27–29, 35].

4. В эту сумму не входили средства, находившиеся под управлением Канцелярии вдовствующей императрицы, но выделяемые Управлением делами великого князя Михаила Александровича (56 278 руб. 50 коп. ежегодно) на содержание Абастуманского дворца

покойного цесаревича Георгия Александровича, а также суммы, выделяемые МИДу на содержание личного состава Канцелярии (35 855 руб.) и на канцелярские расходы (2000 руб.) [6, л. 13].

5. Имеется в виду «состоящий при Ее Величестве» князь Г. Д. Шервашидзе.

6. П. П. Динне еще 20 сентября подготовил «Опись делам, подлежащим личному докладу Вдовствующей Императрице Марии Федоровне по вопросам, входящим в ведение Заведывающего Канцелярию Вдовствующей Императрицы» (список дел был практически идентичен материалам, отправленным впоследствии в Москву) [6, л. 60].

Список литературы

1. Гордеев П. Н. Комиссариат Временного правительства над бывшим Министерством двора // Российская история. 2017. № 2. С. 59–78.

2. Мосолов А. А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии Министерства

двора. СПб.: Наука. Санкт-Петербургское отделение, 1992. 262 с.

3. Весь Петроград на 1917 год. Отд. I. Пг.: Т-во А. С. Суворина «Новое время», 1917. 930 с.

4. РГИА. Ф. 544. Оп. 2. Д. 488.

5. Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: биографический словарь. Т. 1. М.: Наука, Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. С. 7–94.

6. РГИА. Ф. 544. Оп. 2. Д. 497.

7. Демьянов А. Из рассказов П. М. Макарова // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 1. С. 18.

8. Дневники императрицы Марии Федоровны. М.: Вагриус, 2005. 701 с.

9. Кудрина Ю. В. Императрица Мария Федоровна и Император Николай II. Мать и сын. М.: Вече, 2013. 350 с.

10. РГИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 959.

11. РГИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 958.

12. РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 615.

13. РГИА. Ф. 525. Оп. 3. Д. 539.

THE CHANCERY OF THE DOWAGER EMPRESS MARIA FEODOROVNA IN 1917 – 1918

P. N. Gordeev

This article examines the activities of the Chancery of the Dowager Empress Maria Feodorovna during the Russian Revolution. Based on archival materials from the Russian State Historical Archive, we describe the situation of the Chancery after the fall of the monarchy, the relations between its employees and the leadership of the Commissariat of the Provisional Government for the former Ministry of the Court, as well as with the Empress herself. It is concluded that the officials of the Chancery remained faithful to the Empress Mother and expected instructions from her; while the institution itself that had to be abolished under the Provisional Government was eliminated later by the Bolsheviks.

Keywords: Chancery of the Dowager Empress Maria Feodorovna, Maria Feodorovna, Revolution of 1917, Provisional Government, Commissariat of the Provisional Government over the former Ministry of the Court.

References

1. Gordeev P. N. Komissariat Vremennogo pravitel'stva nad byvshim Ministerstvom dvora // Rossijskaya istoriya. 2017. № 2. S. 59–78.

2. Mosolov A. A. Pri dvore poslednego imperatora. Zapiski nachal'nika kancelyarii Ministerstva dvora. SPb.: Nauka. Sankt-Peterburgskoe otdelenie, 1992. 262 s.

3. Ves' Petrograd na 1917 god. Otd. I. Pg.: T-vo A. S. Suvorina «Novoe vremya», 1917. 930 s.

4. RGIA. F. 544. Op. 2. D. 488.

5. Rossijskoe zarubezh'e vo Francii, 1919–2000: bio-

graficheskij slovar'. T. 1. M.: Nauka, Dom-muzej Mariny Cvetaevoj, 2008. S. 7–94.

6. RGIA. F. 544. Op. 2. D. 497.

7. Dem'yanov A. Iz rasskazov P. M. Makarova // Golos minuvshago na chuzhoj storone. 1926. № 1. S. 18.

8. Dnevniky imperatricy Marii Fedorovny. M.: Vagrius, 2005. 701 s.

9. Kudrina Yu. V. Imperatrica Mariya Fedorovna i Imperator Nikolaj II. Mat' i syn. M.: Vechе, 2013. 350 s.

10. RGIA. F. 544. Op. 1. D. 959.

11. RGIA. F. 544. Op. 1. D. 958.

12. RGIA. F. 472. Op. 66. D. 615.

13. RGIA. F. 525. Op. 3. D. 539.